

артистические силы, труппу, по составу едва ли проигравшую бы в сравнении с послевоенной.

Ефремов сделал во МХАТе все от него зависящее. Но от него зависело далеко не все.

Для полной победы нужно было бы еще и стечение обстоятельств – ниша во времени, которая вдруг нашлась для "Современника".

Охлопков говорил: "у нас что-нибудь тридцать лет запрещают, а потом на минутку разрешат". Вот этой минуткой и надо уметь воспользоваться. Другой не будет. Никогда? Лет десять назад, не говоря уж о более отдаленном прошлом, и казалось, что никогда.

Разрешение властями "Современника" – одна из загадок советского начальства, в случае с Ефремовым уподобившемся принцессе Турандот.

Но перестраивать академию в период нескончаемого безвременья было труднее, чем заявлять "Современник". К тому же мхатовский имидж с молодости импонировал Ефремову, при всей революционности его замыслов.

МХАТ, ставший легендой, вырос на принципиально новом для русских театров репертуаре. Актерская школа "художественников" создавалась в работе над пьесами, недоступ-

ными пониманию актеров прочих школ.

МХАТ времени Ефремова не в состоянии был достичь того единomyслия, что отличало ранний "Современник", с энтузиазмом подчинившийся лидеру, великолепные актеры пришли сюда окончательно сложившимися. Доверяли Ефремову, но и своей интуиции, своему опыту доверялись ничуть не меньше. А что уж говорить о репертуаре, когда лучшие из пьес (той же Петрушевской) ставились с вынужденным опозданием. И спасибо, однако, Ефремову, расширявшему круг своих интересов до диаметральных противоположностей, что вообще ставил.

"Современник" и насколько весомое оказалось бы начало нового театра, дай ему власти испытать себя в драматургии такого полета.

В альбоме, посвященном прошлому юбилею Олега Николаевича, наибольшее впечатление произвел на меня снимок, где Ефремов у стенда с афишей и фотографиями запрещенного мхатовского спектакля по "Мольеру", стоившего столько здоровья автору. "Мольера" Ефремов все-таки сыграл на сцене МХАТа со Смоктуновским – Королем. Но отчего мечты и самых удачливых людей сбываются у нас с опозданием на целую эпоху – в театре ничего нельзя откладывать: никакого завтра в нем не бывает, все времена свершений концентрируются в единственном сегодняшнем дне.

По лестнице примыкающего к мхатовской сцене учреждения (затрудняюсь назвать поиному помещение, возникшее после перестройки) сбегали люди, в основном, молодые – и в изменившемся человеческом типе я уже не мог угадать: актеры они или сотрудники Конторы, как сказали бы Станиславский или Булгаков.

Я прочел табличку на двери, сообщавшую о местонахождении главного режиссера. Дверь была прикрыта неплотно: в глубине предбанника ядовито светился дисплей. Мне и в голову не приходило – заглянуть к Ефремову непрошеным. Но и от обзора в несомкнувшейся щели я не мог почему-то заставить себя оторваться. И был вознагражден за любопытство. Другая дверь – в дальней стене предбанника – распахнулась перед кем-то выходящим от начальника, и я увидел силуэт Ефремова в реалистических декорациях занимаемого им кабинета. Успел перед кашированием кадра закрывающейся дверью выхватить исчезнувший за белой окраской той двери заученный мною с былых уроков его жест (контрастная смена цветов напомнила мне и давний спектакль "Современника" и объяснение Артуром Миллером своего драматургического метода – Миллер бывал в театре у Ефремова, так и не пробившего разрешения на официальную премьеру пьесы "Случай в Виши").

Американский фильм "Дон Кихот" заканчивался тем, что принявший атомную станцию за мельницу рыцарь поражает ее копьем – и затем плачет на обломках разрушенного им мира. Но Санчо Пансо успокаивает его: "Пока есть такие люди, как вы, сеньор, мир не погиб".

"Бог с ними", – думал я, покидая дом с исчезнувшими тенями, волновавшими меня в моей нелепой в притязаниях и привязанностях юности, – с "Парткоммами", "Сталеварами", "Серебряными свадьбами", раз ему казалось неперемным тратить восьмого года нас, первокурсников, водил по театру сын Качалова – Вадим Васильевич. И когда достаточно лет спустя читал я "Театральный роман", некоторые из описаний казались мне повторением некогда увиденного сна.

Между прочим, и Булгаков связан для меня с Ефремовым. Ефремов – первый из встреченных мною людей, причастных к булгаковскому дому: он дружил с сыновьями Елены Сергеевны. "Дни Турбиных" я читал еще в школе, но про "Мольера" услышал от Ефремова – он мечтал о постановке этой пьесы. И как бы разошлась она по ролям в

Ваша правда, Олег Николаевич. Правда Театра – другой ведь вам не на надо, правда?

● С сыном Мишей

# или Уроки невстреч

